

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ХАРБИН — «РУССКИЙ КИТЕЖ»

Часть 16

ХАРБИН. НОВОЕ КЛАДБИЩЕ. СВЯТО-УСПЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

В 1902 году в черте города под новые захоронения было выделено место, сразу же получившее название Нового кладбища, называвшееся впоследствии Успенским, в честь воздвигнутого на нем храма Успения Пресвятой Богородицы.

В 1905 году, накануне занятия японскими войсками железнодорожных станций Гунжулин и Ляоян, престолы, антиминсы и имущество храмов, с наступающего момента более не использовавшихся, передали на хранение в Харбин и тем самым уберегли от осквернения. Позднее деньги из этих церквей употребили на начало строительства в Харбине кладбищенской Успенской церкви¹.

Воинские захоронения на этом кладбище именовались «Братской могилой погибших воинов, павших за Царя и Отечество в русско-японской войне 1904–1905», и возле них до 1959 года служила Вселенская панихида на Радоницу, в весенние яркие, солнечные дни, когда весь православный Харбин справлял светлую Пасху².

Закладка каменного храма состоялась 29 июня 1907 года. Церковь строилась частью на пожертвования русских харбинцев, а частью на средства КВЖД и харбинского Свято-Николаевского собора. Автором этого храма в русском стиле был гражданский инженер Н. А. Казы-Гирей³ — один из участников строительства Китайской Восточной железной дороги и города Харбина.

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Коростелев В. А., Караулов А. К. Православие в Маньчжурии. 1898–1956 / Под ред. О. В. Косик. ПСТГУ, 2019. С. 49.

² Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 207.

³ Николай Александрович Казы-Гирей (1866, Россия — 1917, Харбин) — гражданский инженер, архитектор. В 1887 году поступил в Петербургский институт гражданских инженеров, который окончил в 1892 году со званием гражданского инженера по первому разряду. Упоминается среди первых строителей КВЖД и Харбина, работал над сооружением южной линии дороги. Во время Боксерского восстания с группой сотрудников подвергся нападению. Скончался 18 декабря 1917 года. Похоронен на Покровском (Старом) кладбище в Харбине.

22 ноября 1908 года кладбищенская Успенская церковь была освящена. Освящение совершил прибывший из Владивостока архиепископ Владивостокский и Приморский Евсевий (Никольский), по словам которого, этот храм, созданный на чужбине и осеняющий могилы русских православных людей, умерших вдали от Родины, должен иметь для жителей Харбина особое значение⁴.

Сам храм был небольшой, но богато отделан внутри. Стены были окрашены в белый цвет, иконостас выполнен из мореного дуба с художественно написанными иконами⁵.

«Стильна и художественна маленькая церковь Нового кладбища, как будто сошедшая со страниц Грабаря, с иллюстрации древнерусского зодчества»⁶, — отмечалось в тогдашней печати. До 1920 года храм не имел своего причта и был приписан к Свято-Никольскому собору. В 1923 году был произведен внутренний капитальный ремонт храма, выполнены настенные росписи и живописные работы в куполе.

С 1920-го по 1922 год настоятелем Свято-Успенской церкви был *архимандрит Ювеналий (Килин)*.

Архимандрит Ювеналий (Килин) (в миру — Килин Иоанн Кельсиевич) родился в 1875 году в Вятской губернии. В 1900 году пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона. В 1902 году возведен в сан иеромонаха, в 1912 году — в сан игумена. С 1914 года — архимандрит. С 1915 года благочинный всех монастырей Пермской епархии. В конце Гражданской войны эмигрировал в Китай. Служил в Успенской церкви Харбина в 1920—1922 годах. Первый смотритель Успенского кладбища. Строитель и настоятель Харбинского мужского монастыря в честь Казанской иконы Божией Матери с 1922-го по 1935 год (с перерывом в 1923 году, когда он был в Югославии). Хиротонисан во епископа Синцзянского (1935). С 1940 года епископ Цицикарский, второй викарий Харбинской епархии. В 1945 году принят в общение Московской патриархии. В 1946 году назначен на Шанхайскую кафедру, но вскоре вернулся на Родину. Епископ Челябинский (1947—1948). В 1948 году возведен в сан архиепископа и назначен на Иркутскую кафедру. В 1949 году — архиепископ Омский. С 1952 года архиепископ Ижевский и Удмуртский. Скончался 28 декабря 1958 года в Ижевске. Перед смертью принял схиму. Похоронен в Ижевском кафедральном соборе⁷.

Архимандрита Ювеналия сменил *о. Геннадий Красов (1922—1929)*.

Протоиерей Геннадий Адрианович Красов служил в церкви Механических мастеров Харбина (1921—1922), в Свято-Николаевском соборе в 1922—1929 годах, на ст. Имяньпо КВЖД (1934—1937). С 1937-го по 1941 год настоятель Свято-Николаевской церкви в Затоне, с 1941-го по 1945 год — настоятель Иоанно-Предтеченской церкви в Московских казармах в Харбине. Служил в Пекинской духовной миссии. В 1950 году направлен начальником миссии архиепископом Виктором (Святиним) в Урумчи. В 1951 году, в ночь с 9 на 10 января, погиб во время пожара в своей квартире⁸.

При храме состояли штатные священники: *о. Иннокентий Виноградов (1920—1926)*⁹ и *о. Михаил Андреев (1926—1934)*¹⁰. В число сверхштатных священников входили: *о. Ге-*

⁴ Нилус Е. Х. Деятельность церковного отдела управления КВЖД (Обзор церковной жизни полосы отчуждения) // Русская Атлантида. 2009. № 33. С. 16—17.

⁵ Тыкоцкий Г. Б. Православные храмы Харбина. Екатеринбург, 1999. С. 48.

⁶ Русские в Китае. Шанхай, 2010. С. 136.

⁷ Харбинский синодик. Духовенство и церковные деятели. Челябинск, 2009. С. 42—43.

⁸ Там же. С. 99.

⁹ Иерей Иннокентий Васильевич Виноградов служил в Свято-Николаевском соборе Харбина в 1920—1924 годах и на Успенском кладбище (Харбинский синодик... С. 154).

¹⁰ Протоиерей Михаил Петрович Андреев родился в 1882 году в семье священника. Окончил Челябинское духовное училище (1899). С 1913 года — священник при церкви того же училища. В конце Гражданской войны эвакуировался в Китай. Служил в Покровской церкви на Старом кладбище, был

оргий Силинский (1920–1923)¹¹, о. Георгий Яковлев (1923–1925)¹², о. Николай Михайлов (1926–1942)¹³ и о. Иоанн Ромашкин (1928–1934). С 1918–1934 годов при храме состояли *диакон Евмений Ин*¹⁴ и *сверхштатный диакон Всеволод Петров (1923–1929)*¹⁵.

В 1920-е годы сторожем на Новом кладбище Харбина был будущий *схимонах Иоанн (в миру — Солодков)*.

Бывший донской казак, ординарец великого князя Николая Николаевича-старшего, он принял монашеский постриг в Казанско-Богородицком мужском монастыре Харбина с именем Харитон; позднее принял схиму с именем Иоанн. Скончался 4 сентября 1927 года в монастыре в возрасте свыше 90 лет.

Г. В. Мелихов (1920-е годы): «Новое, или Успенское, кладбище располагалось в конце Большого проспекта, на краю новгородней возвышенности. Это кладбище было самым большим и имело строгую планировку. От его решетчатых ворот, над которыми входящих встречала церковно-славянская вязь изречения из Священного Писания — „Веруяй в Мя, аще и умрет, оживет“, вела широкая уходящая вглубь главная аллея, обрамленная с обеих сторон высокими тенистыми деревьями, с аркой-колокольней на ней, за которой далее стояла церковь Успения Пресвятой Богородицы. Отходящие от главной под прямым углом боковые аллеи тоже утопали в зелени. Новое кладбище было похоже на громадный сад»¹⁶.

По части известности захороненных на нем людей Новое кладбище гармонично дополняло Старое. Священник о. Иоанн Сторожев, в последний раз причащавший семью государя императора Николая II, в 1927 году нашел свой последний приют именно на нем¹⁷. В том же 1927 году Харбинская епархия потеряла сразу несколько наиболее известных деятелей из среды русской эмиграции. Реакция православных жителей Харбина на эти и другие события также свидетельствует о том, как тесно была связана жизнь белоэмигрантов с Церковью.

настоятелем Успенской церкви на Новом кладбище Харбина. С 1947-го по 1952 год настоятель Свято-Покровской церкви на Старом кладбище Харбина, духовник Харбинской епархии. В 1956–1959 годах служил в Петропавловской церкви Сунгарийского городка Харбина. В 1959 году эмигрировал в Австралию, где служил при Архиерейской церкви в Сиднее. Скончался 1 июля 1964 года (Харбинский синодик... С. 118).

¹¹ Протоиерей Георгий Евгеньевич Силинский родился в 1886 году в Забайкалье. Окончил в Чите миссионерскую школу. В первое время учительствовал в церковноприходской школе. В 1912 году рукоположен в сан диакона, а позднее — в сан иерея. Служил в районе г. Нерчинска. В конце Гражданской войны перебрался в Маньчжурию. Служил в Свято-Николаевском соборе Харбина в 1920–1923 годах, в Хайларе в 1924–1926 годах, на ст. Якеши КВЖД в 1927–1929 годах, на ст. Шитоухэцзы в 1929–1933 годах. Последнее место служения — ст. Пограничная в 1932–1937 годах. Учился на богословском факультете Института Св. Владимира. Скончался 30 декабря 1937 года в Харбине. Похоронен на Успенском кладбище (Харбинский синодик... С. 99–100).

¹² Протоиерей Георгий Васильевич Яковлев служил в Свято-Николаевском соборе Харбина в 1923–1925 годах, в Софийской церкви в 1926–1940 годах (Харбинский синодик... С. 101).

¹³ Протоиерей Николай Афанасьевич Михайлов служил в Свято-Николаевском соборе Харбина (1923–1925) и в Успенской кладбищенской церкви (1926–1942). Умер в Харбине (Харбинский синодик... С. 125).

¹⁴ Диакон Евмений Александрович Ин служил в Успенской кладбищенской церкви Харбина (1918–1934) (Харбинский синодик... С. 176).

¹⁵ Диакон Всеволод Михайлович Петров во время Гражданской войны входил в состав духовенства дальневосточной армии белых. Эмигрировал в Харбин в 1920 году. Служил в Корпусном городке в 1920 году, в церкви Механических мастерских в 1922 году, Успенской церкви Харбина, а также на ст. Мулин КВЖД в 1930–1932 годах. Скончался в 1940 году на ст. Куанченцы КВЖД (Харбинский синодик... С. 176).

¹⁶ Мелихов Г. В. Белый Харбин. Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. С. 334–335.

¹⁷ Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 202.

5 июня 1927 года Харбин провожал в последний путь генерала от кавалерии Михаила Михайловича Плешкова. Литургию в храме на Новом кладбище совершал епископ Нестор в сослужении многочисленного духовенства. Храм не мог вместить всех молящихся, и многие стояли на улице. На кладбище беспрестанно прибывали новые лица, среди которых были генералы и офицеры, представители различных общественных организаций, воспитанники «Русского дома». Перед отпеванием приехали китайские чины — начальник административного управления главноначальствующего генерал Лин и начальник дипломатического отдела генерал Ван Тоусян. Выразив соболезнования близким родственникам почившего, они прошли в храм и поклонились праху покойного. Из-за многолюдства отпевание было совершено прямо на улице, и перед его началом епископ Нестор как духовник генерала рассказал о последних днях его жизни. Описав несколько характерных случаев из биографии М. М. Плешкова, архиерей отметил, что он служил примером для других не только в своем звании военного, но также был добрым семьянином, горячо любившим свою недавно почившую супругу Марию Антоновну. Ее уход и подточил его жизненные силы, а «о военных заслугах этого рыцаря долга без страха и упрека пусть судят другие, — сказал епископ Нестор, — они всем общеизвестны, и лавры славы его неувядаемы»¹⁸.

Г. В. Мелихов. Белый Харбин. Середина 20-х

Из традиций, характеризующих фирму «Чурин», отмечу день 27 сентября — праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, когда ежегодно весь штат служащих отправлялся на кладбище навестить могилы сослуживцев. И происходило это отнюдь не буднично.

В 9 часов утра из помещения Главной конторы знаменосец при двух ассистентах выносил желто-синее знамя фирмы. Оркестр (свой, чуринский) играл марш. Строй выравнивался; происходил прием парада, и со знаменем и оркестром, под музыку и барабанную дробь начинался торжественный марш чуринцев по Большому проспекту на Новое кладбище. Шли стройными рядами, четко отбивая шаг, в строго определенном порядке: впереди — одетые в сине-серую форму с синими же фуражками — пенсионеры и старшие служащие; за ними другие — тоже в форменной одежде. За этими — в красочном разнообразии платьев «женский батальон». Вслед за ним завершали колонну группа мальчиков и врачебно-санитарный персонал фирмы.

На кладбище все располагались в строю на поляне. Оркестр исполнял «Коль славен». При пении чуринского хора служилась панихида по всем усопшим сотрудникам фирмы. Отслуживались литии и освящались памятники, которые фирма поставила на могилах своих сотрудников, скончавшихся в минувшем году.

Одновременно с православной панихидой, которую, как правило, служил сам настоятель Свято-Николаевского собора, заупокойные богослужения совершались и на католическом, лютеранском и мусульманском кладбищах, где покоились почившие чуринцы. Они совершались ксендзом, пастором и муллой.

Примерно 1 тысяча рабочих и служащих фирмы работали в Харбине и 6 тысяч — во всей Маньчжурии. По национальному составу 90 % составляли русские, а остальные 10% — пятнадцать других национальностей; директорами в разные периоды до 1945 г. были и русский, и японец, и немец¹⁹.

<...> Кладбище — Новое, или Успенское, — располагалось в конце Большого проспекта, на краю новгородней возвышенности. Это кладбище было самым большим и имело строгую планировку. От его решетчатых ворот, над которыми входящих встречала церковно-славянская вязь изречения из Священного Писания — «Веруяй

¹⁸ Бакони́на С. Н. Церковная жизнь русской эмиграции на Дальнем Востоке в 1920–1931 годах. На материалах Харбинской епархии. М.: Изд. ПСТГУ, 2014. С. 177–178.

¹⁹ Мелихов Г. В. Белый Харбин. Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. С. 148.

в Мя, аще и умрет, оживет», вела широкая уходящая вглубь главная аллея, обрамленная с обеих сторон высокими тенистыми деревьями, с аркой-колокольней на ней, за которой далее стояла церковь Успения Пресвятой Богородицы. Отходящие от главной под прямым углом боковые аллеи тоже утопали в зелени. Новое кладбище было похоже на громадный сад.

Православная Церковь поминает усопших шесть раз в год. Но наиболее значимый и торжественный день поминовения — это, конечно, Радоница. Проходит Пасхальная неделя, и первый вторник после нее — как раз этот день.

Наверное, не ошибусь, если скажу, что самой оживленной и многолюдной была Радоница на Новом кладбище. В этот день сюда со всего города стекались тысячи православных харбинцев, чтобы навестить родные могилки, помянуть как положено по-русски своих дорогих умерших.

Трудно написать о том, как проходила здесь Радоница, лучше, чем это сделала Ольга Чемодакова в своей статье в «Политехнике» № 10. С. 146—147.

Действительно, все было именно так. В этот день весь Харбин был у родных могил. «Весь транспорт, который только существовал в городе, был широко использован от раннего утра и до наступающих сумерек... Из переполненных трамваев виднелись целые семьи людей; ребятишки выглядывали из окон; сидячие и стоячие пассажиры ехали с корзинками со всякой снедью, с узелочками и узелками. А в них — и цветочки, и освященные вербочки, и куличи, и крашеные яйца — покрошить на могилах и раздать нищим „на помин души“. И всякая снедь для себя — ведь едут-то надолго, — посидеть, отдохнуть на скамеечках у могил и просто на траве, закусить и даже выпить.

Ряды китайцев-торговцев на подходах к кладбищу шумно предлагают цветы: искусственные, живые — срезанные и в горшочках, веночки, напитки и сладости.

Священники, служащие панихиды на могилах; несущиеся со всех сторон их возгласы: „Христос Воскресе из мертвых“, „Смертию смерть поправ“, „Вечная память...“, ветер приносит дымом ладана... Пряный запах черемухи и какой-то остро пахнущей травы перемешивается с дымом ладана, а возгласы детей и окрики взрослых — с пением пасхальных молитв на могилах». Наполненное этими звуками и запахами, кладбище как будто оживает...

А там, за противоположной от входа его стороной, через улицу, располагались такие же тенистые и ухоженные католическое, лютеранское, мусульманское и еврейское кладбища. Но там сегодня — обычная тишина и покой. К вечеру на большой поляне служилась Вселенская панихида.

Еще большее оживление царило здесь в те годы, когда православная Радоница совпадала с китайским праздником поминовения усопших в соседнем с Новым кладбищем китайском монастыре Цзилэсы²⁰.

В этот день сюда отправляются, — писала газета «Время», — десятки тысяч китайцев. Возле храма сооружаются многочисленные циновочные балаганы, цирки, киоски и рестораны, представляющие собой отделения харбинских и фуцзяньских ресторанов; все это открывается около храма только на время торжественного празднования и поминовения духов усопших родственников и предков. Оживление наступает задолго до торжественного часа. Принимаются решительные меры по регулировке движения, которое осложняется телегами крестьян, прибывающих на праздник из окрестных деревень. Вокруг храма вырастает огромный базар и целая улочка этих походных ресторанов, пользующихся огромной популярностью. Циновочные стены всех заведений оказываются в конце праздника почти сплошь обклеенными квадратиками ритуальной желтой бумаги, с соответствующими изречениями, которую поминающие специально покупают для своих целей. Картина этого праздника, которую я видел всего один раз, была колоритнейшая и запомнилась на всю жизнь...²¹

²⁰ Буддийский монастырь Цзилэсы (Тилосы) был построен в 1923 году.

²¹ Мелихов Г. В. Белый Харбин... С. 334—336.

В 1924 году на Успенском кладбище нашел свое упокоение духовный наставник будущего святителя Филарета и настоятель прихода в церкви в Госпитальном городке *протоиерей Константин Коронин*²².

Георгий Витальевич Хатковский (1920-е годы): «В конце Большого проспекта находилось Новое Успенское кладбище с более поздними захоронениями. Там нашли упокоение десятки тысяч харбинцев, в том числе и мои родители. От ворот начиналась аллея, шедшая до церкви с колокольной. Пять священников по очереди ежедневно совершали панихиды на могилах кладбища. Здесь можно было найти могилы от самых бедных холмиков с деревянными крестами до фамильных склепов, часовен с красивыми витыми железными решетками, надгробиями в виде ангелов и других изваяний. Вдоль ухоженных аллей были посажены кусты сирени и черемухи, цветущие как раз на Радоницу и наполнявшие своим ароматом свежий воздух.

Кладбище в день Радоницы превращалось в место, где вместе с разносившимися песнопениями на могилках создавалась какая-то спокойно-торжественная обстановка, никто громко не разговаривал, как будто боясь нарушить тишину, в которой покоились умершие. А торжественность заключалась в том, что на могилках расстилались белые скатерти с угощением для каждого, кто подойдет и помянет усопшего, но от спиртного отказывались. Тропинки между могилами были заполнены людьми, шагающими от одной могилки к другой, родными приглашались священники для совершения панихиды, было много батюшек из всех церквей города с певчими, чтобы не отказывать никому. Кругом разносилось пение: „Со святыми упокой, Господи...“, а у людей были приветливые, вежливые улыбки, ощущалась радость встречи давно не встречавшихся людей. В конце дня паломничество начиналось в обратном направлении, с чувством удовлетворения от исполненного долга»²³.

Начало 1930-х годов

Храм Успения был возведен в форме корабля, словно бы плывущего по волнам небытия, к которым метафорически можно причислить обширный некрополь, где в разное время нашли свое упокоение десятки тысяч харбинцев. На территории этого некрополя были разбиты несколько аллей, включая главную, ведущую от входных чугунных ворот, над которыми была вылита знаменитая надпись: «Веруй в Мя, аще и умрет — оживет», до арки, над которой помещалась колокольная. Путь от нее и до самого храма по обеим сторонам был украшен высокими деревьями. Справа от главной аллеи стоял известный среди харбинцев памятник священнику о. Евгению Панормову²⁴ работы харбинского скульптора Володченко²⁵, впоследствии безжалостно уничтоженный китайской администрацией при сносе кладбища.

²² Протоиерей Константин Иоаннович Коронин родился в Перми. Окончил Казанскую и Санкт-Петербургскую духовные академии. Служил в сане священника в Перми и Варшаве. С началом Первой мировой войны переехал из Варшавы в Читу. В 1922 году эмигрировал в Китай. Служил в церкви Госпитального городка Харбина в 1923–1924 годах. Скончался от тяжелой болезни в 1924 году. Похоронен на Успенском кладбище Харбина (Харбинский синодик... С. 113).

²³ Хатковский Г. В. Юность моя — Харбин // Сибирская православная газета. 2003. № 5.

²⁴ Прот. Панормов Евгений Николаевич родился ок. 1871 года. Во время Гражданской войны работал в омском правительстве, затем священник в Белой армии, благочинный Отдельной казачьей бригады, Сводной казачьей дивизии и Второго стрелкового корпуса Дальневосточной армии. После эвакуации в Маньчжурию служил в харбинской Алексеевской церкви в Модягоу (1923–1930). Скончался 13 ноября 1930 года в Харбине. Похоронен на Успенском кладбище. На могиле был его скульптурный памятник во весь рост в священническом облачении.

²⁵ Володченко Симеон Иоаннович (р. 1881, Козелец, Черниговская губ. — ?). Из семьи священника. С 1901 года жил в Одессе, где окончил Одесское художественное училище (1905). В 1911–1912 годах

За аллеями в свое время были сооружены два сквера с симметрично расположенными цветочными клумбами и фонтаном, а в правом приделе кладбища находилась богатая оранжерея, в которой при участии церковного клира выращивались красивейшие цветы, которыми украшался храм в дни праздников. Служители оранжереи помимо своих прямых обязанностей несли и некую общественную — ежедневно возжигали лампы и следили за состоянием могил. Почти рядом с главной аллеей кладбища располагался сад, в котором ежегодно цвели вишни, яблони, произрастали густые кусты черной смородины и крыжовника, а чуть поодаль — пасека. По воспоминаниям современников, Успенское кладбище в летний период буквально утопало в зелени. За сквером располагался одноэтажный дом настоятеля, а чуть поодаль — небольшая двухэтажная постройка, на втором этаже которой располагался зал для собраний. Слева от колокольни располагались квартиры служащих кладбища и церкви — регента хора и многолетнего бессменного зрителя — *Луки Петровича Попова*²⁶.

По воспоминаниям бывавших на кладбище, в архитектуре надгробий преобладали традиции итальянских, чуть реже русских мастеров-каменотесов. Мраморные обелиски, склепы, статуи и памятники с барельефами и горельефами, а также орнаментальными украшениями, изображавшими гирлянды, цветы, листья и венки, были там довольно распространенным явлением. Обыкновенным для состоятельных харбинских семей было выписывать из Италии дорогостоящие мраморные композиции или фрагменты для украшения склепов и памятников. Начало этой традиции положила семья камергера Николая Львовича Гондатти²⁷, заказавшая мраморного ангела, венчавшего постамент памятника умершей в возрасте 23 лет дочери Ольги, племянницы знаменитого русского композитора Игоря Федоровича Стравинского, а продолжили семьи удачно практиковавших харбинских докторов: Жуковского, Александры Георгиевны Ярцевой, Ивана Георгиевича Урзова и Тамары Семеновны Масленниковой-Урзовой. Как правило, для изготовления памятников использовался корейский (розовый) или

вылепил и отлил из бронзы фигуру и барельефы памятника А. В. Суворову, установленного в Румынии, на месте Рымниковского боя. Еще один памятник Суворову, выполненный Володченко в 1913—1914 годах, установлен в Измаиле. В 1921 году в составе группы художников выехал с выставкой картин в Сахалин (Хэйхе, Маньчжурия), а оттуда в Харбин. Выполнял в Харбине целый ряд декоративных работ (зал Железнодорожного собрания и др.), живописных, а также чисто скульптурных из бетона, мрамора и бронзы. Занимался выполнением частных заказов на художественно-декоративные и скульптурные работы. В 1940 году выполнял наружные лепные работы на Благовещенской церкви в Харбине.

²⁶ Попов Лука Петрович (р. 1899, с. Евсеево, Иркутская губ. в семье диакона. Окончил четыре класса Иркутской духовной семинарии (1907—1908). В 1918 году мобилизован в армию Колчака, при отступлении от Омска до Иркутска заболел тифом, был оставлен у родственников. 10 мая 1921 года — нелегальный переход границы в районе ст. Маньчжурия. 15 мая 1921 года определен на службу при харбинском Успенском русском кладбище, на каковой состоял по 7 июня 1955 года в должности заведующего (34 года). В 1954 году епископом Никандром рукоположен в сан диакона. В 1955 году выехал в СССР, с 1956 года — диакон в Уфе. Позднее переведен в Архангельскую епархию. Скончался в г. Каргополе в 1965 году (Харбинский синодик... С. 158).

²⁷ Гондатти Николай Львович родился в 1860 году в Москве. Отец итальянец, мать русская, из дворянского рода. Окончил Московский университет. Провел этнографическую экспедицию в северную часть бассейна р. Оби. Для накопления опыта в шелководстве путешествовал в Туркестан, Китай, Японию, Цейлон, Южную Америку, Новую Зеландию. Начальник Анадырского округа Приамурского генерал-губернаторства (1894—1897). Вице-губернатор Приамурской области. Тобольский, Томский губернатор. Генерал-губернатор Приамурского края (1911—1917). В начале 1920-х годов эмигрировал в Харбин. Начальник земельного отдела КВЖД. Активно участвовал в образовании Харбинской епархии и ее жизни. Член епархиального совета от КВЖД. Скончался в Харбине 5 апреля 1946 года. Похоронен на Новом кладбище.

итальянский (белый) мрамор. В усложненных композициях надгробий, как, например, в случае с захоронением знаменитого доктора В. А. Казем-Бека, использовали комбинацию белого мрамора, железобетона и металла. Часто для изготовления памятников находилось применение и местному камню — черному и серому граниту²⁸.

Об истории памятника доктору В. А. Казем-Беку рассказывает Сергей Еремин на страницах газеты русской общины Австралии «Единение»:

Похоронили Владимира Алексеевича Казем-Бека на Новом кладбище, рядом с алтарной частью Успенского храма. Харбинцы долго спорили — какой памятник поставить. Провели конкурс проектов, определили победителей, даже премии им успели выдать, да одумались вовремя. Доктор никогда бы не одобрил такие бессмысленные траты. Наконец-то, было принято единственно правильное решение — собрать пожертвования и создать за счет них бесплатную больницу имени Казем-Бека! Такая клиника вскоре была открыта при Казанско-Богородицком мужском монастыре. Памятник же поставили весьма скромный, с большим крестом и с белой (как халат врача) мраморной могильной плитой.

Этот памятник я увидел впервые в 2010 году, когда Русский клуб стал составлять план захоронений на русском участке кладбища Хуаншань²⁹. Без портрета, плита могильная и сиденья у двух лавочек утрачены. Большинство металлических частей оградки — сданы в металлолом. Но, что мы могли сделать тогда? Записали номер захоронения — 2.6.10, даты жизни 14.11.1892—04.08.1931 годы, сфотографировали.

Но в 2011 году китайские власти разрешили привести в порядок 4 могилы священников и два обелиска времен Русско-Японской войны. Весной 2012 года в Харбин приехал с рабочим визитом президент Харбинско-Китайского Исторического общества (ХКИО) Игорь Казимирович Савицкий. Был составлен план работ и согласован с православной общиной Покровского храма — главным пунктом стал капитальный ремонт памятника доктору Казем-Беку.

Предварительно мы с «генеральным заказчиком» — Игорем К. Савицким посмотрели все материалы о памятнике Казем-Беку. Вариант, который находится на Хуаншань весьма серьезно отличается от первого памятника, который был на Успенском кладбище. Описания «первичного» памятника нам найти не удалось. Долго мы не могли найти фотографии доктора хорошего качества. Но помог случай... Летом приехали из Казани, из музея Баратынского, три симпатичные молодые дамы. Семьи Казем-Беков и Баратынских были давними друзьями — это общеизвестный факт. Они даже породнились. Я, узнав через Интернет о приезде работников музея, стал просить у них привезти фотографию Казем-Бека. Именно эта фотография, полученная с помощью земляков героя нашего рассказа, украшает сегодня отреставрированный нами памятник³⁰.

С 1930-го по 1933 год настоятелем Успенской церкви был о. *Иоанн Черемухин*³¹.

²⁸ Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 209—210.

²⁹ По распоряжению китайских властей для захоронения был предложен участок земли в районе Санкешу, приблизительно в 25 километрах от центра Харбина. Выделенный участок стал называться кладбищем Хуан Шань.

³⁰ <https://www.unification.com.au/articles/2746>. Дата посещения 5 июня 2022 года.

³¹ Протоиерей Иоанн Петрович Черемухин родился в 1887 году. Окончил Пермскую духовную семинарию. Священник с 1914 года. В 1915 году благочинный Ирбитского округа Екатеринбургской епархии. Во время Гражданской войны военный священник в Белой армии. Участник Сибирского ледового похода в рядах каппелевцев. Эмигрировал в Китай в 1920 году. Настоятель церкви и законоучитель при училище «Русский дом» в Харбине (1924—1927). С 1925 года служил в церкви Госпитального городка, затем в Успенской церкви (1930—1933). Умер от туберкулеза 19 июня 1933 года в Харбине. Похоронен на Успенском кладбище.

Короткое время в Успенской церкви служил *протоиерей Александр Яковлевич Лукин*.

По некоторым воспоминаниям, он был полковым священником в Белой армии, в конце Гражданской войны эмигрировал в Китай. Служил в Иверской церкви Харбина (1925—1930), в Успенской церкви на кладбище (1930) и в Затоне (1930—1937), на ст. Имяньпо Восточной линии КВЖД. Последнее место служения в Китае — г. Дальний. Его дочь была замужем за князем Кекуатовым. После освобождения Маньчжурии от японцев князь с женой были арестованы и отправлены в СССР. В середине 1950-х годов о. Александр вернулся в Россию. Нашел свою дочь в г. Пласте Челябинской области. Остался здесь служить в местной церкви. Скончался в Пласте.

В 1931—1940 годах в Успенской церкви служил *протоиерей Виктор Александрович Марсов*. (Ранее о. Виктор служил на ст. Аньда КВЖД (1925—1930). В 1940-х годах он был уже за штатом и жил в районе Модягоу.)

В числе сверхштатных диаконов в эти годы состоял о. *Сергий Голов* (1930—1935)³².

Одним из старейших церковнослужителей Харбина был *Иоанн Ильич Ромашкин*. Он служил псаломщиком в Успенской церкви Харбина (с 1928 года). Ранее он подвизался в Свято-Николаевской церкви охранной стражи в Старом Харбине (с 1900 года), на ст. Имяньпо КВЖД (1924—1927). Скончался 25 января 1935 года, похоронен на Новом кладбище.

В причте Успенской церкви также состоял псаломщик *Михаил Петрович Тиунов*. (Годы служения не установлены.)

В 1930 году возле главного входа на Новое (Успенское) кладбище по проекту архитектора Е. А. Уласовца была возведена отдельно стоящая надвратная колокольня, которая использовалась также как водонапорная башня для обеспечения водой территории кладбища. Она была сооружена на пожертвования *Георгия Георгиевича Урзова*. Он родился в 1877 году в Смоленской губернии. При Успенском кладбище Харбина имел мастерскую по изготовлению памятников. Составил план кладбища и участвовал в строительстве Успенской церкви. Скончался в 1960 году, похоронен на кладбище Хуаншан.

Японская оккупация. Маньчжоу-Го (1932—1945)

Своего рода «новым этапом» в истории Харбина явилась японская оккупация Маньчжурии. Началась она еще с конца 1931 года, а после падения Мукдена утром 6 февраля 1932 года части японской пехоты и бронетехники двигались по улицам Харбина. Первоначальное отношение русской диаспоры города к появившимся на его улицах японцам, по свидетельству очевидцев, было восторженным. Вдоль тротуаров по какой-то неписаной традиции откуда ни возьмись появились восторженные русские девушки с цветами в руках.

Радость при появлении оккупантов можно было бы сравнить со вздохом облегчения, вырвавшимся из уст русского населения после многих лет произвола китайского чиновничества в Харбине, повального взяточничества и лихоимства. Именно тогда у многих русских харбинцев появилась некоторая надежда на то, что именно японские военные власти принесут с собой идеальный порядок, мир, законность и процветание всем народам, населявшим этот город³³ (см. приложение 17).

³² Протоиерей Сергей Иванович Голов. Служил в Хайларе (1914) и Харбине, на ст. Бухэду (1938). Попал в автокатастрофу, после которой почти потерял слух, но продолжал служить со слуховым аппаратом. Протоиерей Алексеевской церкви на Зеленом базаре Харбина (Харбинский синодик... С. 172).

³³ Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 172—174.

Менее чем через месяц после захвата в Мукдене было объявлено о создании нового государства Маньчжоу-Ди-Го. Через неделю после обнаружения японцами этой декларации на пост пожизненного владыки был поставлен последний китайский император из династии Дай Цинов — Пу И.

Одна из русских мемуаристок отмечает, что появление японских частей в Харбине было тихим, поначалу даже мало ощутимым мирным населением города. Лишь через несколько лет, особенно после вынужденной продажи советской стороной своих прав на КВЖД, японское давление на русских стало настолько усиливаться, что привело в результате к их массовому оттоку из Маньчжурии на юг Китая, в города Шанхай и Тяньцзинь³⁴.

С 1933-го по 1940 год настоятелем Успенской церкви был *о. Павел Любимов*.

Протоиерей Павел Петрович Любимов. До эмиграции священник в селе Красная Горка Казанской епархии. Служил в Харбине в Госпитальном городке, при приюте-училище «Русский дом» (1923—1924), в Цицикаре (1924—1928), на ст. Ханьдаохецзы КВЖД (1928—1932). Затем служил вновь в Харбине в женском монастыре (1932), настоятель Успенской церкви на Новом кладбище с 1933 года. Окончил богословский факультет института Св. Владимира в 1939 году. Преподаватель Харбинской духовной семинарии. Скончался в Харбине в 1940 году³⁵.

Сверхштатным священником Успенской церкви был *о. Леонид Знаменский (1934)*³⁶, а сверхштатным диаконом — *о. Нестор Сошников (1935—1938)*³⁷.

Известным захоронением Успенского кладбища была могила атамана Забайкальского казачьего войска генерал-майора Ивана Федоровича Шильникова. Служивший одно время начальником штаба Особого Маньчжурского отряда атамана Г. М. Семенова, генерал продолжил руководство вооруженной борьбой с Советами и будучи в эмиграции. Когда в 1934 году Иван Федорович скончался в своем харбинском доме, то похоронен был по казачьим традициям. Отпевали его в Свято-Алексеевской церкви, а когда траурная процессия отправилась на Успенское кладбище, за катафалком вели оседланного коня, а на крышке гроба были привинчены шашка и казачья офицерская фуражка. На подушечках несли награды генерала. В отпевании генерала принимал участие один из священников Свято-Алексеевской церкви, отец Василий Герасимов, сам в прошлом участник борьбы с большевиками, совершивший в январе 1920 года Великий Сибирский поход под началом главнокомандующего армиями Восточного фронта генерал-лейтенанта Владимира Оскаровича Каппеля³⁸.

С 1935-го по 1938 год диаконом Успенской церкви был *о. Алексей Горелкин*³⁹. Там же ему была предоставлена квартира в доме для причта, и о. Алексей указывает в анкете

³⁴ Там же. С. 177—178.

³⁵ Харбинский синодик... С. 130—131.

³⁶ Протоиерей Леонид Ильич Знаменский. Служил в Иверской церкви (1925—1931), в Успенской церкви Харбина (1934) (Харбинский синодик. Духовенство и церковные деятели. Челябинск, 2009. С. 114).

³⁷ Диакон Нестор Михайлович Сошников родился во Владикавказе. Псаломщик церкви Корпусного городка Харбина. Через некоторое время рукоположен во диакона к Свято-Сергиевской церкви на ст. Имяньпо КВЖД. По болезни ушел за штат. Вероятно, был приписан к Успенской церкви Харбина с 1926 года. Скончался 8 февраля 1938 года. Похоронен на Успенском кладбище Харбина (Харбинский синодик... С. 178).

³⁸ Там же. С. 207—208.

³⁹ Протоиерей Горелкин Алексей Яковлевич. Родом из Тульской губернии. Окончил учительскую семинарию в 1915 году. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Офицер Белой армии. Имел пять ранений. Эвакуировался в Китай в 1922 году. Служил в Старом Харбине в 1925 году псаломщиком, с 1926-го по 1935 год — диаконом, далее в Успенской церкви на кладбище (1935—1938) и за-

свой точный адрес, так знакомый жителям Харбина: Православное кладбище, Большой проспект, № 1. На тот период у о. Алексея на иждивении была семья: жена Клавдия Николаевна, дочь Любовь 7,5 лет и сын Борис 6 лет. Заработок о. Алексея составлял около 7 гоби в неделю. Харбинское духовенство жило очень скромно. Хорошо еще, что при храмах им предоставлялись казенные квартиры⁴⁰.

Русская писательница и журналистка Наталья Иосифовна Ильина (1914–1994) с 1920-го по 1936 год жила в Харбине. Наиболее известна ее художественно-мемуарная проза, отразившая личный опыт пребывания в эмиграции в Китае («Возвращение», кн. 1–2, 1957–1965). Во второй половине первой книги романа «Возвращения» часть событий происходит в *кладбищенской* церкви Нового города в Харбине. Вероятнее всего, Наталья Ильина описывает Успенскую церковь (церковь Успения Пресвятой Богородицы).

О панихиде в кладбищенской церкви думает один из персонажей романа — Калитин — на девятый день после смерти своей жены Марьи Константиновы и замечает, что после обедни и благословения священника в церкви еще остается много женщин. Пожалуй, во второй части десятой главы романа содержится самое распространенное описание церкви: ее местоположения («церковь находилась километрах в двух от окраины Нового города»⁴¹) и нового состояния («церкви на окраинах были переполнены»⁴² во время пребывания в Харбине японцев).

Общее состояние неизвестности в жизни Калитина и других эмигрантов подчеркивается и холодом, стоявшим в церкви в первый день Рождества: «В церкви было не топлено, у священника с редкой седой бородой изо рта шел пар...»⁴³ Но при всем этом и кладбищенская церковь воспринимается как место, в котором можно обрести душевное равновесие: «Церковь с ее иконами, лампадами, золотыми ризами и прекрасными песнопениями, — убежище, в котором можно на время укрыться, на время забыть о страшном государстве „Маньчжоу-Го“»⁴⁴.

Примечательно, что вопреки канонической традиции на Успенском кладбище нашли свое упокоение и два молодых поэта-самоубийцы — Георгий Гранин и Сергей Сергин, застрелившиеся в ночь на 5 декабря 1934 года в харбинской гостинице «Нанкин». Оба были участниками харбинского литературного кружка «Молодая Чураевка», членов которого объединял их старший наставник — поэт Алексей Ачаир⁴⁵.

В 1945 году Алексей Ачаир был арестован органами Смерш и этапирован в СССР для отбытия данного ему десятилетнего срока. В стихотворении, посвященном своей жене перед разлукой, поэт писал:

тем в Сунгарийском городке Харбина в 1939–1943 годах. Переведен в Алексеевскую церковь в Модягоу, где в 1946 году рукоположен в сан священника. Член Харбинского епархиального совета. Окончил богословский факультет Института Св. Владимира в 1939 году. Преподаватель Харбинской духовной семинарии. В 1955 году вернулся в СССР и был направлен в Алма-Ату, затем в Новосибирск (1956–1958). По следующему назначению служил в соборе Рождества Богородицы Челябинска до закрытия храма в 1960 году. С 1961 года служил в Астрахани. Скончался после тяжелой операции 3 июня 1964 года, похоронен в Астрахани (Харбинский синодик... С. 81–82).

⁴⁰ Бутенко И.С. Священнослужитель Святой Православной Церкви о. Алексей Горелкин (1897–1964) // Русская Атлантида. 2003. № 9. С. 9.

⁴¹ Ильина Наталья. Возвращение. Роман. Книга первая. М.: Советский писатель, 1969. С. 317.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 205–206.

Что мы с тобой не собственность друг друга,
 Что разных волей таинственный союз —
 Пусть гром гремит, пусть негодует вьюга.
 Я за тебя, прощаясь, не боюсь.

Его жена, Галина Аполлоновна Ачаир-Добротворская, бывшая известной оперной певицей в Харбине, после ареста мужа эмигрировала в Австралию, где и умерла в Квинсленде в 1997 году. После выхода поэта из лагеря им не суждено было больше увидеть друг друга. Поэт остался в России и умер в Новосибирске в 1960 году. Литературный кружок, которому одно время покровительствовал мэтр, просуществовал в Харбине около полутора десятка лет, дав возможность сформироваться и развиваться целой группе молодых литературных дарований⁴⁶.

В 1937 году на Успенском кладбище соорудили памятник чехословацким легионерам, похороненным здесь (скульптор Винклер). Несмотря на то, что управление КВЖД 23 марта 1935 года возглавили новые лица, ежегодно новые власти посещали могилы первостроителей КВЖД. Обычно же русские люди приходили на кладбище в послепасхальные дни — на Радоницу. «На кладбище, на всем его протяжении, в местах погребения и бедных, и богатых, наблюдалась одна и та же картина. Могилы были убраны, почти на всех лежали кусочки кулича. Везде толпился народ, все время разносились в воздухе молитвенные возгласы и песнопения, на могилах служились панихиды»⁴⁷. Такую же картину можно было наблюдать на католическом и лютеранском кладбищах. Русские эмигранты бережно сохраняли могилы соотечественников на кладбищах Харбина⁴⁸.

С 1934-го по 1941 год одним из штатных священников Успенской церкви был о. Симеон Новосильцев, а с 1941-го по 1944 год — ее настоятелем.

Священник Симеон Евграфович Новосильцев служил на ст. Имяньпо КВЖД (1923—1929), в Алексеевской церкви в Модягоу (1945—1955). Член епархиального совета. Вернулся в СССР в 1955 году в Ставропольскую епархию, где служил в кафедральном соборе и преподавал в местной семинарии. Принял монашество с именем Елевферий и возведен в сан архимандрита. Был кандидатом на епископскую кафедру, но власти воспрепятствовали его хиротонии. Последнее время служил в Душанбе. Скончался в 1965 году во время отпуска в Ставрополе, здесь и похоронен.

В 1940-х годах в Успенской кладбищенской церкви служил *иерей Георгий Павлович Козлов*.

Ранее о. Георгий служил на ст. Барим (1937), в пос. Драгоценка Трехречья (1937—1938), на ст. Чжалантунь и Бухэду КВЖД (1938—1939), на ст. Барим (1940). В 1950-х годах — в Михайло-Архангельской церкви г. Дальнего. Вернулся в СССР и вскоре скончался.

В 1933—1943 годах псаломщиком Успенской церкви был *Сергей Андреевич Перов*.

Он родился в 1901 году в г. Стерлитамаке Уфимской губернии. Эмигрировал в Китай; жил в Харбине, работал на КВЖД до 1933 года. С 1943-го по 1948 год был псаломщиком Покровской кладбищенской церкви. В 1948—1955 годах вновь работал на железной дороге и одновременно пел в хоре при церкви Саманного городка. В 1955 году вернулся в СССР. Псаломщик Свято-Николаевской церкви села Луговое — пригород Новосибирска. Скончался в 1959 году.

⁴⁶ Там же. С. 206—207.

⁴⁷ Иогель И. Радоница в Харбине: Русский быт крепко живет в эмиграции // Рубеж. 1940. № 21 (18 мая).

⁴⁸ Русские в Китае. Шанхай, 2010. С. 144.

Псаломщиком при Успенской церкви на Новом кладбище в 1936—1942 годах был также *Стефан Сергеевич Литвинцев*. Ранее он служил псаломщиком в церкви Госпитального городка (1930—1936).

Шитухина Г. П. (1942): «Я люблю деда, и его смерть для меня — первая потеря в жизни, мне — четырнадцать лет (март „9-го года Кан-Дэ“ — 1942 год). Все воскресенья я у могилы деда. Для того, чтобы попасть на новое русское кладбище, расположенное на краю Нового города, надо миновать старое русское кладбище, затем китайский храм Ти-лэ-сы, и через двадцать минут я дохожу до могилы деда. В общей же сложности дорога от нашего дома в Модягоу занимает не менее часа. Добираемся мы до кладбища обычно на извозчике, т. к. автобусы переполнены. Извозчики нас уже знают и потому заранее зазывают, обещая нам быструю дорогу...

В один из весенних дней на кладбище к деду едет почти вся наша семья: бабушка, три ее сына, три невестки и нас пять внуков — старшему шестнадцать лет. Рассаживаемся по извозчикам, едем. Горечь утраты приутихла, дед долго болел. Молодость берет свое, настроение бодрое, молодое, весеннее. Мы с сестрой в белых шляпках и в белых перчатках. Каждый занят своими мыслями. У сестры где-то в аллее назначено свидание; старший двоюродный брат (Александр Шитухин) — студент медицинского института — поглощен своими занятиями, которые ведутся на японском, китайском и английском языках. Мы с моим двоюродным братом-погодкой (Мишей Шитухиным) договорились обойти знакомые могилки, навестить нашего школьного учителя географии, на уроках которого я так много шалила...

Вдруг извозчики останавливаются — впереди стоят люди, полицейские. Какая-то непонятная тишина. Прислушиваюсь. Извозчик осторожно продвигается к полицейскому заслону. Я слышу шарканье множества ног и глухое постукивание; сердце мое замирает, и я вдруг привстаю и вижу: мимо нас со стороны Фудзядяна идут люди. Они идут по пять человек в ряд: грязные, нищие, молодые, мужчины, женщины, дети. У каждого в руке или прикрепленная к поясу жестянка или миска. Извозчик объясняет: сегодня в храме Ти-лэ-сы поминовение усопших, и монахи раздают горячую пищу. Оказывается, вне моего дома, вне моего маленького мирка, наполненного маминой лаской и теплом, книгами и музыкой, существует другой мир! И я вхожу в этот мир... каким он будет для меня?»⁴⁹

Вспоминает священник Николай Падерин⁵⁰ (1940-е годы): «Кладбище располагало большой территорией, и там нашли для себя место упокоения десятки тысяч русских людей <...> Все кладбище утопало в зелени. Среди деревьев во множестве были плодовые: черемуха, боярка, различные сорта ранеток.

В день храмового праздника Успения Божией Матери, после архиерейского служения Божественной литургии, по кладбищу совершался крестный ход, с неперменным пением праздничного тропаря и ирмосов канона. На братских могилах воинов, павших в войну 1904—1905 годов, совершалась краткая лития. Весь день на кладбище шла масса народу для служения панихид на могилах своих близких»⁵¹.

Очевидец праздничных богослужений вспоминал: «Много народу бывало на кладбище в день Св. Пасхи. Многие любили встречать пасхальную ночь в кладбищен-

⁴⁹ Шитухина Г. П. (Галина Петровна). «Свете тихий» // Русская Атлантида. 2004. № 12. С. 39.

⁵⁰ Епископ Никандр (в миру Николай Петрович Падерин; 1927, Харбин, Китай — 1987, США) — епископ Русской православной церкви за границей, епископ Сан-Паульский и Бразильский.

⁵¹ Падерин Н., священник. Церковная жизнь Харбина. Из кн.: Церковь твою утверди: Из воспоминаний о церковной жизни Харбина. Сан-Паулу, 1967. Цит. по: Русский Харбин. Изд. Московского ун-та, 1998. С. 31.

ском храме. В Великую субботу, часов с десяти вечера, нарушалась обычная тишина ночи на кладбище. Множество машин из города приходило к кладбищенским воротам, доставляя православных богомольцев к светлой заутрене. Перед самым началом богослужения вдоль главной аллеи зажигались цветные фонари на деревьях, а в промежутке между ними горели плашки, создавая изумительную картину ночного торжества. Крестный ход и светлая заутреня совершались при большом стечении богомольцев. По окончании заутрени многие возвращались в свои дома, а другие, после Божественной литургии, отправлялись на родные могилки, чтобы принести первое приветствие своим близким с этим торжеством победы жизни над смертью и при мерцании лампад ожидали там утреннего рассвета. Утром расторопные рикши начинали развоз возвращающихся русских во всех направлениях: от ближайшей остановки трамвая до самого дома»⁵².

В 1940 году Успенское кладбище было переустроено с учетом его быстрого роста и для расширения доступности для посетителей в дни поминовений и праздников. На пожертвования прихожан были реставрированы и установлены ворота, обновлен внешний вид колокольни⁵³.

Приложение 17. Сегеда Андрей. «Японский Шиндлер» Тиуне Цугахире

Благодаря Стивену Спилбергу и его фильму «Список Шиндлера» во всем мире хорошо известен немецкий фабрикант Оскар Шиндлер, в годы холокоста спасший от уничтожения 1200 немецких евреев. Тиуне Цугахире не так известен и его часто называют «японским Шиндлером», хотя спас он гораздо больше людей — по разным оценкам, 6000—10 000 человек.

Тиуне Цугахире (в другом прочтении Сугихара) родился в 1900 году. Он был вторым сыном в семье врача из японского городка Яоцу Есимидзу Цугахире и его жены Яцу. В семье, кроме Тиуне было еще четверо мальчишек и младшая дочка.

Семья была небогатой, и отец Тиуне мечтал об успешной карьере для своих детей, поэтому отправил своего второго сына, отлично учившегося в школе, в медицинский колледж.

Однако Тиуне не хотел становиться врачом и специально завалил вступительные экзамены. Это на некоторое время поссорило его с отцом, но позволило поступить в избранный им университет Васада на отделение английской литературы. Там он учится год, одновременно работая, чтобы оплачивать обучение. Однако нагрузки для него становятся слишком велики, и тогда он переводится в только что открывшийся Русско-японский лицей в Харбине, где платят стипендию, потому что правительству Японии остро нужны русскоговорящие дипломаты.

В Харбине Тиуне знакомится с Православием, и оно настолько поражает его своими духовными сокровищами, что он принимает крещение с именем Павел (по другим сведениям, Павлом звали священника, который его крестил, а Тиуне получил крещальное имя Сергей).

Лицей Цугахире покидает одним из лучших учеников, овладев русским, английским и немецким языками. По окончании лицея, Цугахире служит в армии и, после этого, вновь получает распределение в Харбин от МИДа Японии. Там молодой дипломат деятельно проявляет свои христианские убеждения, создавая детские дома

⁵² Падерин Н., священник. О церковной жизни Харбина // Церковное слово. 1998. № 4 / Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 210—212.

⁵³ Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 212.

для китайских детей, которые остались без родителей после японского вторжения в Китай.

В 1936 Тиуне (вторым браком) женился на японке Юкико Кикиути, также принявшей православие, и в счастливом долголетнем браке с ней стал отцом четверых детей. В марте 1939 Сугихара был назначен вице-консулом в Каунасе, который тогда был столицей советской Литвы. Он стал первым японским дипломатом в этой республике СССР.

Когда в 1939 году нацистская Германия напала на Польшу и в результате операции «Вайс», оккупировала большую часть этой страны, там началась охота за остатками деморализованной польской армии. Брать в плен польских жолнежей⁵⁴ в планы нацистов не входило и их старались уничтожить физически. Зная об этом, Цугахире, хотя и представлял страну-союзницу нацистской Германии, помог нескольким польским подразделениям сохранить жизнь, организовав их переправку в Швецию.

В 1940 году в Польше начались еще бóльшие ужасы — массовое истребление нацистами еврейского населения этой страны, в результате которого, по некоторым оценкам, погибло около 1 000 000 человек. Спасаясь от смерти, еврейские семьи бежали в Советский Союз. «На площади у здания консульства стояли сотни людей — мужчин, женщин и детей. Я помню их глаза — уставшие и отчаянные. Женщины плакали. Маленькая девочка сидела в луже, измученная и испуганная», — вспоминала позже Юкио, жена дипломата.

Но по тогдашним законам и соглашениям с Германией, беженцев обязаны были вскоре депортировать обратно. Их могли спасти дипломаты, выдав транзитные визы через СССР от своих правительств. Однако, «цивилизованные» европейцы и американцы предпочли пойти на тайный сговор и виз никому не давать, лишь бы СССР выглядел плохо в глазах мировой общественности. Аналогичный приказ своему консулу передало и правительство Японии.

Но Тиуне Цугахире был христианином и поступил вопреки подобному распоряжению. Он говорил близким и коллегам: «Если я повернусь спиной к тем, кто нуждается в моей помощи, я предам свои убеждения, как христианин».

Хотя решение нарушить приказ начальства далось человеку, воспитанному в традициях жесткой иерархии, очень нелегко, он стал выписывать сотни и тысячи транзитных виз для еврейских семей.

Весь август 1940 года Сугихара провел за письменным столом. Официальные бланки виз быстро закончились, и он был вынужден чертить их от руки, что только увеличивало нагрузку. Авторучки ломались в пальцах. Чтобы выполнить норму в 300 виз в день, консулу приходилось работать с восьми утра до поздней ночи. Когда консульство закрыли, он продолжил выписывать транзитные документы в своем гостиничном номере. А когда дипломату предписали уезжать из Литвы, последние чистые листы с печатями он бросал уже из окна поезда, на котором уезжал из Литвы. Всего Цугахире успел выписать 2139 виз.

Из Каунаса строптивый дипломат был отправлен в Прагу, потом в Кенигсберг, а в конце концов оказался в Бухаресте, где его арестовало советское командование.

Полтора года бывший консул и его семья провели в лагере для дипломатических работников в Румынии. На родину Тиунэ попадал лишь в 1947-м. Капитулировавшей Японией в это время управляли власти США. Стране было запрещено иметь собственную армию, и дипломатические представители ей были больше не нужны. В итоге Цугахире был уволен «по сокращению штатов».

⁵⁴ Жолнеры или жалонеры (польск. *zolnierz* «солдат») — нижние чины, носящие жалонерные (жолнерные) значки (маленькие флаги) и высылаемые заранее для обозначения места своим частям в линии построения войск; в дореволюционной русской армии жолнерные значки полагались в каждом батальоне (черно-оранжево-белые с номером батальона) и роте (разных цветов).

В конце жизни он перебивался случайными подработками репетитора и переводчика, работал торговцем электрическими лампочками вразнос, потом в представительстве частной торговой компании в Москве, где представлял японские швейные машинки, нейлон и болоньевые плащи. Тиунэ Цугихаре умер 31 июля 1986 года у себя дома в Фудзисаве. Соседи очень удивились, когда на похороны незаметного старика внезапно прибыл израильский посол в Японии и множество людей, пожелавших почтить его память.

Ныне Тиунэ Цугихаре удостоен государственных наград Литвы и Польши, а также звания «праведник народов мира» в Израиле. В Литве, США, в кампусе японского университета Васада, а с недавних пор и в России — в Калининграде и в московской гостинице «Украина» ему посвящены памятники. О нем сняты несколько документальных и художественных фильмов, ему посвящены клипы и песни.

Юкио Цугахире вспоминает случай, произошедшей с нею уже после смерти ее мужа: «Недавно я была в Израиле, и ко мне подошел мальчик лет пяти или шести. Он сказал, что его не было бы на свете, если бы не мой муж, спасший от смерти его деда».

Сегодня около 50 000 человек — каунасских беженцев и их потомков — обязаны своей жизнью Цугихаре, в течение месяца выдававшему пропуски в жизнь своими чернилами и печатью.

Тиунэ Цугихаре входит в десятку самых известных японцев в мире и, по некоторым неподтвержденным сведениям, почитается как местночтимый святой в Японской Православной Церкви, в лике праведных⁵⁵.

⁵⁵ https://dzen.ru/media/andrey_segeda/portetnaia-galereia-iaponskii-shindler-tiune-cugahire-5e845e11b6ea591e73e4edc9. Дата посещения 7 апреля 2020 года.